

САША ПЛИНЕР

ГРАНИЦА
СКРЫВАЕТ
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ МЫ
ГОТОВЫ
ПРИНЯТЬ

ЦИКЛ
— ТО, ЧТО ОСТАВИЛ ЛЕС —

КРОМКА

Саша Плинер

То, что оставил Лес. Кромка

<https://litres.ru/74604647>

SelfPub; 2026

Аннотация

На границе Пожирающего Леса люди давно привыкли жить рядом с тем, чего лучше не понимать.

Люмен – одна из тех, кто остался после Леса. Без прошлого, почти без чувств, с телом, которое помнит больше, чем она сама. Последний год она живет на пограничном посту среди таких же сломанных людей и учится делать то, что остальные называют жизнью.

Но когда кромка начинает двигаться, а на месте сигнального столба за одну ночь вырастает Лес, на пост приезжает Киан – человек императора, которого боятся маги и который при первой встрече смотрит на Люмен так, будто уже знает ее.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	39
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Саша Плинер

То, что оставил Лес. Кромка

Пролог

Душа вошла в Лес без крика.

Эреб слышал это не ушами. Уши годились для звука воды, падающей в каменные чаши, для шороха робы, для редкого скрипа корня в стене. Лес он слышал иначе: той частью себя, что давно была вросшей в Храм-Корень глубже, чем плоть в кость.

Обычно душа сопротивлялась. Даже самые смиренные цеплялись за что-нибудь: за имя, за детский голос, за запах дома, за ненависть, за стыд, за последнюю животную мысль – не хочу. Лес снимал это слой за слоем. Не торопясь. Он не знал милосердия, но обладал точностью.

Хорошее уходило первым. Нежность. Доверие. Способность думать о другом до себя. Все это оказывалось тонким, непрочным, почти бесполезным материалом. Страх держался дольше. Зависть – крепче. Воля к власти иногда переживала даже память о лице. Поэтому маги так любили называть себя очищенными.

Эреб знал, что чаще всего они были просто теми, в ком уцелело наиболее цепкое. Он стоял в своей келье, положив ладонь на влажную стену. Камень под пальцами был холоден, но внутри него двигалось тяжелое тепло Леса. За узким окном не было утра. Только сероватая толща стволов, мох, неподвижный туман и то место мира, куда Империя веками сбрасывала все, что не хотела помнить.

Приговоренные приходили по-разному. По императорской печати. По решению Совета. По подложному обвинению, которое потом становилось законом, потому что мертвые не спорили с протоколами. Иногда Лесу отдавали убийц, иногда бунтовщиков, иногда тех, чья вина состояла только в том, что их смерть была удобна. Двор называл это казнью. Маги – очищением. Лес не называл никак. Он просто принимал.

Но сейчас он не принимал...

Он замер.

Эреб открыл глаза.

Это было почти невозможно. Лес мог захлебнуться чужим страхом, мог выдать рваный сосуд, мог выплюнуть дефектного, который еще три дня будет плакать не своим голосом. Но Лес не замирал. Он работал всегда: в корнях, в почве, в черных жилах Храма, в тех маленьких магических удобствах, за которые придворные дамы благодарили своих ювелиров, а не мертвых.

Теперь ритм сбился.

Вошедшая душа не защищалась.

Не потому, что была пуста. Пустых людей не приводили к Лесу: пустота была не началом, а результатом. Эта душа была полной – слишком полной, если судить по тому, как глубоко дрогнули нижние корни. В ней были любовь, власть, гордость, боль, страх, расчет. Все, из чего обычно получался сильный остаток, пригодный для бараков, постов на границе Леса или высокого мага.

Но она раскрылась сама.

Лес коснулся ее – и не нашел первого сопротивления.

Эреб медленно убрал ладонь от стены.

Внутри него что-то отозвалось не мыслью, а старым знанием. Не воспоминанием; воспоминания были роскошью тех, кто еще мог позволить себе быть человеком. Скорее следом. Отпечатком древнего разрыва. Так было один раз. С ним. Он не позволил этой мысли развернуться. Не сейчас. Не здесь, пока корни Храма вдруг потянулись вниз, к сердцу Леса, как жилы к ране.

Душа проходила очистку ровно. С нее снимали привязанность – она не кричала. Снимали страх – он не рвался наружу. Снимали власть – и даже власть, упрямая, тяжелая, обычно цепляющаяся до последнего, уходила без сопротивления. Лес забирал не только светлое, не только темное. Он забирал все.

Эреб впервые за многие века почувствовал страх. Не человеческий, не быстрый, не тот, что заставляет тело ис-

кать оружие. Его тело осталось неподвижным. Страх прошел глубже – по Храму, по корням, по той пустоте, которую он веками считал завершенной. Так боится не человек. Так боится мера, когда рядом с ней появляется нечто точнее.

Он вышел из кельи. Камень разошелся перед ним узкой щелью. Эреб прошел через нее без усилия, будто Храм выдыхал его наружу. В коридоре пахло мокрым базальтом, старой водой и мхом, который светился слабым зеленым жаром. В чашах у стен стояла черная вода. В ней не отражалось ничего – ни свод, ни лицо, ни тень.

Эреб спускался быстро. Лестница уходила вниз, к площади перед Храмом. В стенах шевелились корни. Обычно они вздрагивали, когда Лес ломал очередную душу, но теперь тянулись в одну сторону, напряженные, почти послушные. Это раздражало сильнее, чем если бы они метались. Лес ждал результата.

Эреб остановился на последнем пролете. Он уже знал, что выйдет не дефектный. Не шумный солдат для поста у границы Леса. Не живой станок. Не маг, который потом будет считать свой уцелевший порок признаком избранности. Что-то иное. То, чего Лес не должен был повторить.

Он вышел на площадь. Храм-Корень стоял в центре Леса не как здание, а как кость, проросшая из земли. Базальтовые плиты площади были влажными. Между ними пробивался темный мох, похожий на запекшуюся кровь. Стволы окружали Храм тесным кольцом; за ними висел туман, низкий

и плотный, будто Лес не хотел показывать, что происходит внутри.

Эреб остановился у края базальта.

Лес разомкнулся.

Сначала возникла тишина. Не мирная. Не пустая. Скорее слишком ровная, слишком плотная для живого места. В Лесу всегда что-то двигалось: скрипели слои древесины, шевелились корни, где-то глубоко булькала почва, принимая очередной человеческий остаток. Но вокруг разрыва между стволами все стало неподвижным.

Потом из тумана вышла женщина.

Эреб понял ошибку в тот же миг.

Не женщина.

Оболочка.

Она ступила на базальт босыми ногами. На коже не было грязи. Лес всегда оставлял следы: черную жижу под ногтями, мох в волосах, кровь, которой уже не должно было быть в теле, чужой страх в запахе. На ней не осталось ничего. Даже сырость не держалась на коже. Одежда висела свободно, серой тканью без достоинства и без позора. Лес не сорвал ее и не сохранил. Он просто не придал ей значения. Волосы были пепельно-серебристыми, неподвижными, как тонкие нити остывшего металла. Лицо – бледное, точное, слишком завершенное. Не красивое. Красота требовала взгляда, который желает, сравнивает, присваивает. Здесь нечего было присваивать. Лес сохранил форму так безупречно, что в

ней стало видно отсутствие прежней владелицы. Она не дышала. Грудь не поднималась. Пальцы не дрожали. Плечи не защищали шею от холода. Подбородок не выражал ни гордости, ни страха, ни усталости. Тело стояло без вопроса к миру. Как сосуд, поставленный на камень. Глаза были открыты. Светлые. Выцветшие. Они принимали площадь, Храм, Лес, Эреба – и ничего не возвращали. Не было узнавания. Не было испуга. Не было даже той тусклой растерянности, которую иногда сохраняли самые глубокие дефекты. В нее падали образы и исчезали, не оставляя кругов.

Эреб сделал шаг вперед.

Пустота перед ним оказалась чище его собственной. Он почувствовал это сразу – и не простил себе мгновения, в которое захотел не чувствовать. Веками он был мерой. Первым успешным сосудом. Первым Архонтом, если верить тем, кто нуждался в титуле для непонятного. Он был доказательством того, что Лес способен выдать не только брак, но и форму. Теперь Лес выдал форму без остатка. Без желания. Без старой вины. Без темного узла, который можно было бы назвать волей и спрятать под словом необходимость.

Эреб смотрел на нее и понимал: если сам он был только предшествием этого... Предтечи Архонта.

Храм под ногами ответил тяжелым внутренним напряжением. Не тревогой. Камень не тревожился. Но древняя система узнавала новое звено, и это знание проходило через Эреба, как холодная вода через трещину.

– Не ожидал, – задумчиво проговорил Эреб.

Фраза вышла ровно. Он не уточнил, чего именно: ее, ошибки Леса или конца собственного превосходства.

Оболочка не ответила. Не молчала – молчание все еще было бы действием. В ней не было того, кто мог бы выбрать звук или его отсутствие.

Эреб подошел ближе. Между ними осталось несколько шагов. Лес за ее спиной уже сомкнулся, будто не желал больше иметь дело с тем, что сам выпустил.

Он поднял руку, но не коснулся ее. Касание было бы преждевременным. Имя должно идти раньше прикосновения. Граница раньше функции. Иначе пустота могла остаться не формой, а провалом.

Вблизи стало заметно больше. Видны были следы тела. Не памяти – память Лес забрал. Но тело всегда лгало хуже души. Линия шеи. Посадка головы, еще не ставшая движением. Пальцы, созданные не для грязи и не для веревок. Рот, привыкший когда-то отдавать приказы так, чтобы зал не смел назвать их приказами.

Эреб замер.

Он много лет не входил в императорские залы, но некоторые лица власть врезала в мир глубже, чем печати в воск. Их знали не потому, что любили, а потому, что от них зависели казни, браки, войны, наследники, возвращение магов ко двору. Форма перед ним больше не была просто невозможностью. Она была угрозой с лицом.

Женщина, которую двор должен был похоронить достаточно глубоко, чтобы ее имя перестало двигать живыми.

Страх стал тяжелее, тягучее. Эреб первый раз за годы ощутил в себе его.

Не новый Архонт пугал Эреба сильнее всего. Пугало другое: Лес сделал его из тела, способного расколоть эту страну одним появлением.

Почему она попала в Лес – Эреб не знал. И это незнание было хуже любого ответа.

Лес не выбирал лиц случайно. Или Эреб слишком долго прожил рядом с ним, чтобы верить в случайность. Перед ним стояло не просто новое невозможное создание. Перед ним стояло тело, которое человеческий мир уже должен был считать мертвым.

Он не произнес ее прежнего имени вслух. Не дал Лесу услышать, что он узнал. Не дал пустой оболочке чужого имени. Та женщина уже принадлежала мертвым. Той, что вышла из Леса, имя еще предстояло получить.

– Буду называть тебя Люмен, – произнес он с какой-то отстраненной безнадежностью, которая свойственная только очень древним существам.

Имя легло на площадь без эха. Оболочка не вздрогнула. Не приняла. Не отвергла. Но Храм ответил. Где-то под базальтом корни напряглись, как пальцы, сомкнувшиеся вокруг новой нити. Лес за ее спиной стал неподвижен.

Эреб смотрел на существо, которому только что дал имя.

Пока еще – только пустота в форме женщины. Но форма...

И это означало только то, что мертвые не всегда остаются там, куда их оправили.

Люмен стояла перед ним и не дышала.

А глубоко в Лесу, за корнями и мхом, древний механизм Леса продолжал свое движение.

Глава 1

Утро в бараках начиналось за долго до рассвета. Не ради какой-то пользы. Пользу здесь не считали. Считали тела, ремни, оружие, котлы, фиксаторы на шеях и тех, кто не дожил до проверки. Свет приходил позже, уже после первого удара палки по двери, после скрипа привязей, после кашля, после того, как Лес за северными воротами успевал напомнить о себе сыростью в камнях.

Сначала просыпались ремни. Они скрипели на запястьях, на горлах, на щиколотках тех, кого ночью пристегивали к кольцам в стене. Потом просыпалась мокрая кожа: сапоги, португепи, старые куртки, не высохшие за ночь. Потом кислый пот, старая кровь, железо у оружейной, дым из кухонной щели, теплая вонь похлебки, которую варили так долго, что крупа в ней теряла форму раньше, чем мясо – происхождение.

Люмен лежала на нижней доске у восточной стены и смотрела в темный потолок. Сон не приходил к ней так, как приходил к другим. Тела вокруг проваливались, дергались, бормотали, возвращались из снов с чужими слезами или беззвучными криками. Ее тело просто прекращало лишнее движение. Дыхание становилось реже. Веки закрывались. Мышцы сохраняли тепло. Этого хватало, чтобы не вызвать ночной проверки.

За год тело выучило многое. Когда нужно повернуться на бок, чтобы не выглядеть мертвым. Какой силы должен быть вдох после команды подъема. Как долго можно смотреть в одну точку, прежде чем старший надзиратель заметит и ударит палкой по доске рядом с лицом. Как опускать плечи, чтобы это походило на усталость, а не на отсутствие воли.

Усталое били меньше.

Слишком тихое били чаще.

Рядом, на верхней доске, мужчина без голоса начал открывать рот еще до подъема. Челюсть двигалась медленно, будто внутри продолжалась фраза, которую никто не слышал. Горло вздувалось. Воздух выходил сухим, пустым. Лес оставил в нем крик, но забрал звук.

Через проход женщина с коротко остриженными волосами спала сидя, привязанная за пояс к столбу. Ее левая рука поднималась, разворачивала кисть и опускалась вниз. Снова. И снова. Ровно. Упрямо. Движение было не боевым и не мирным. Оно просто пережило человека, которому когда-то принадлежало. Когда-то это тело могло рубить дрова, мясо, шею, корень – теперь оно рубило воздух между койками.

У дальнего конца барака кто-то тер кожу на предплечье. Скреб. Скреб. Скреб. Ногти уже проходили по мокрому, но рука не останавливалась. На соседней доске дефектная девушка с седыми висками улыбалась каждый раз, когда кашель выворачивал ей грудь. Улыбка была тонкая, аккуратная, бессмысленная. Тело помнило радость не там, где нуж-

но.

Люмен видела все это не один раз: крик, движение, кожа, улыбка, рана. У каждого оставалось что-то, что продолжало работу вместо человека.

В ней же не продолжало работу ничего.

Колокол ударил один раз.

Дефектные начали подниматься. Не все сразу. Некоторые – как солдаты, слишком быстро и точно, потому что прежняя дисциплина пережила душу. Некоторые – рывками, будто команды доходили до мышц через толстый слой воды. Один не поднялся вовсе, пока надзиратель не ткнул его сапогом в бок. Тогда он сел, открыл глаза и попытался улыбнуться человеку, который его ударил.

Люмен поднялась на третьем общем движении.

Не первой. Первых замечали.

Не последней. Последних били.

Она села, опустила ноги на холодный пол, позволила плечам чуть просесть и провела ладонью по лицу, как это делали те, кто возвращался из сна. Пальцы коснулись кожи. Лицо было на месте. Глаза открыты. Рот закрыт. Дыхание неровное настолько, насколько требовалось утру.

Люмен натянула на ноги ботинки и быстро надела куртку, которую клала под голову. Нет, ей не требовался комфорт. Это было логично и выверено - держать амуницию рядом. Время на сборы с утра давали ровно столько, сколько стражники тратили на отвязывание и отстегивание самых шумных

дефектных. А потом все должны были оказаться на улице.

Стражи выпускали из бараков дефектных во двор группами-связками. Это было удобнее имен. Имена путались, отпадали, вызывали лишние движения. Связка не врала: первая, вторая, третья, учебная, ночная. В связку можно было поставить бывшую прачку, убийцу, конюха, девочку, которая больше не понимала слова мать, и странную женщину лет двадцати пяти, если великий Архонт привел ее и сказал учить.

Предрассветный ветерок ударил в ноздри, выгоняя из ноздрей затхлый запах бараков. Но Люмен не обращала на это никакого внимания. Дефектные обирались на утреннее построение. Точнее собирались кто мог собраться сам. Часть вытаскивали и волокли из бараков стражники.

Люмен на мгновение подумала о том, что год назад Архонт не отдавал приказ старшему надзирателю беречь ее. Он сказал учить. Сейчас она знала, что в бараках это были разные приказы. Ей хотелось еще немного подумать эту мысль, но это было лишнее. Какие-то остатки прошлой жизни. Странное и запретное в бараках удовольствие. Думать. А все, что было связано с прошлым, с тем, где еще оставалось что-то, что делало это тело человеком... В бараках не было слова человек. Оно мешало. Тут для таких, как Люмен, были другие слова: единица, носитель, дефектный. Слово душа оставляли служителям церкви и проповедям; в бараках на границе Леса оно только путало учет.

Люмен знала это как факт, который был частью ее естественного порядка вещей в этом месте. Например, прежде чем дать миску, надзиратели проверяли контрольный обруч дефектного - работает ли сдерживающая магия; прежде чем перевязать рану, ставили отметку, что носитель поврежден, прежде чем решить, лечить ли тело, решали, может ли его боль быть полезной посту.

Люмен на мгновение замерла, стоя в третьем ряду. Слишком много мыслей, слишком много шума. За это наказывают. Она позволила себе еще несколько мелких, шумных мыслей и разогнала их, сосредоточившись на окружении.

Двор пах холодом, железом и близким Лесом. Кромка, так часть что отделяла темные стволы от постов люлей, была за северными воротами, но само слово означало не линию деревьев. Лес не начинался раньше чащи.

Кромка... Иногда это десяток шагов, иногда - тысяча, после сильных выбросов из чащи – еще больше. Но уже там менялся воздух, железо отвечало иначе, птицы садились не на все ветви, вода в канаве могла внезапно закипеть, а дефектные начинали слышать то, чего остальные не слышали. Саму кромку никто не видел. Ее определяли. Чувствовали. Она вызывала какой-то первобытный животный страх у людей и манящее, искушающее чувство у дефектных.

Дом.

Иногда Люмен казалось, что кромка - это путь назад, в ту чашу из которой выходят дефектные, словно из материн-

ской утробы. Она не раз видела, как носители шума замирали, глядя в сторону чащи. И в эти моменты Люмен понимала, что только магические обручи на шеях сдерживают их.

Саму же ее это не беспокоило. Она не слышала зова Леса. Наверное, это могло бы казаться ей милостью или проклятьем, но Люмен никогда об этом не думала. Ей не давали приказа это делать. А даже если бы и дали, но она бы не поняла его.

У северных ворот каждое утро проверяли расстояние до кромки: до первой мертвой сосны, цвет мха у рва, звон трех железных колец на сигнальном столбе и реакцию обручей на тех, кого выводили ближе всего. Маги называли это зоной отклика.

Пост стоял не у самой Кромки. Между ними оставляли пространство, которое нужно было каждый день заново подтверждать как безопасное. Сразу за воротами шел ров, дальше дорога к поселку, затем выносной сигнальный столб, поставленный на открытом месте так, чтобы его было видно с башни. За столбом начинались мертвые деревья – территория, которой люди не доверяли. Настоящие стволы Пожирającego Леса стояли дальше, плотные, темные, всегда будто на шаг ближе, чем их помнили. Если кромка уходила назад, это считалось хорошим знаком. Так бывало после холодной зимы или долгого затишья. Если подходила вперед на один-два шага, маги заносили изменение в журнал и делали новые замеры. Если на пять – усиливали караул. Если начинали зве-

неть обручи до выхода за ров, связки не выпускали вообще.

Часто из деревни приходил караван с людьми, которых стражники тащили сквозь кромку, чтобы скормить Лесу. Люмен уже привыкла не обращать на них внимание, ведь зачем запоминать то, что скоро или перестанет существовать совсем, или станет частью какой-то из связок поста. Единственное, что будило в девушке интерес - это ожидание того, что вернется. Иногда это был человек - если слово «человек» еще подходило. Он мог помнить только одно движение, одну боль, один звук или чужое имя, которое повторял до тех пор, пока не срывал голос. Это были дефектные, они были полезнее здоровых солдат, сильнее и опаснее их. Маги называли это принципом равного обмена. Лес забирал что-то, давая в замен огромную силу, которую Империя ставила на свою службу. И на приграничных постах оставались только самые слабые и шумящие дефектные. Но иногда Лес отдавал тела, в которых ничего человеческого уже не оставалось, кроме привычки двигаться. Иногда из чащи выталкивало сгусток чужого шума - эмоций, боли, воняющие во все стороны магической силы, который искал, к кому прицепиться.

Иногда не выходило ничего - Лес мог переварить все без остатка...

Люмен снова поняла, что думает. И это насторожило ее. Мысли, словно пытались замаскировать от нее что-то, что изменилось. Но девушка не могла понять что. Строй так же

стоял, также вдоль него шли надзиратели, также у стены новый молодой писец привычно обновлял расстояние до кромки на табличке...

Сегодня число на табличке еще не меняли.

А у северной стены было больше людей, чем обычно.

Люмен почувствовала неправильность происходящего. По утрам она сотни раз видела, как надзиратели спорят о расстоянии, как маги сверяют записи, как писец меняет число шагов на табличке у ворот. Если три дня подряд значение оставалось прежним, люди становились громче. Если уменьшалось хотя бы на один – тише.

Люмен хотелось понять, что же заставило изменить этот ритм. Но выйти из строя она себе не позволила. Даже поворот головы, движение плечом или рукой - все было под запретом. Не выделяться, не показывать, что внутри есть хоть что-то. Делать, то, что говорят, не думать, не чувства. Выполнять свою функцию.

Старший надзиратель вышел из оружейной с палкой.

Для Люмен его имя не имело веса. Оно было написано где-то в списках, произносилось младшими, иногда – магами, когда им требовалось сделать голос тверже. Но имя не исправляло стойку, не распределяло связки, не останавливало срыв. Важны были другое: голос, шаг, палка в правой руке, короткая пауза перед ударом, привычка смотреть не в лицо, а на то, что тело выдаст раньше лица.

Он шел вдоль строя, как мастер вдоль стены с развешан-

ным оружием.

У безголосого остановился на миг.

– Горло опять работает.

Младший писец, стоявший с дощечкой у плеча, поспешил цапнуть запись. Он был новым: сапоги еще не стерты, воротник слишком чистый, глаза цепляются за лица. Лица в бараках были бесполезны. Лицо могло принадлежать кому угодно. Полезным было то, что осталось после Леса. Старший ткнул палкой безголосого под подбородок.

– Этого вперед не ставить, пока не сорвет. Внутри орет, наружу не дает. Если прорвет рядом со своими – половина строя дернется.

Писец кивнул слишком быстро.

У женщины с рубящей рукой палка остановила кисть на полпути. Рука дрогнула, пытаясь закончить движение.

– А этой дай железо. Левая помнит удар лучше, чем голова помнит приказ. В первой линии держать можно, если рядом не ставить тех, кто отвечает движением на движение.

Двое надзирателей уже стягивали ремнями человека с разодранной кожей. Он не сопротивлялся. Смотрел на собственное предплечье с пустым вниманием, будто там под кожей кто-то шептал.

– Его в ремни после еды, – сказал старший, даже не замедлив шага. – И ногти срезать.

– Он же держал кромку вчера, – сказал младший.

Старший повернул голову.

Все вокруг немного стихло. Не от страха за писца. От ожидания удара, который мог сорваться в любую сторону.

– Держал, – сказал старший. – Потому что кожа мешала ему меньше, чем Лес. Сегодня начнет искать Лес под кожей. Завтра вскрыет грудь. Послезавтра вскрыет соседа. Запиши не жалко, а в ремни.

Писец сглотнул и записал.

Люмен смотрела прямо перед собой.

Палка остановилась у ее подбородка.

Тело успело опустить голову до удара. Недостаточно. Дерево все равно коснулось кожи и заставило подбородок уйти ниже.

– А это, – сказал старший, – не пиши по лицу. По лицу тут половина уже мертвецы, а вторая половина хуже. Смотри на стойку.

Писец посмотрел.

Люмен стояла ровно, но не слишком. Плечи чуть ниже естественного положения. Вес распределен так, чтобы походить на усталое тело после ночи в бараках. Правая кисть свободна. Левая не сжата. Дыхание есть.

Все это было выучено.

И все равно старший увидел лишнее.

– Видишь?

– Она стоит, – сказал писец.

– Она притворяется, что стоит как надо. Год назад держала шею так, будто ждала, что перед ней расступятся. Тело

выбирало красоту.

Палка ударила по ее запястью.

Боль вспыхнула и ушла глубже. Пальцы не дрогнули. Удар не требовал падения, только исправления. Люмен опустила кисть ниже.

– Красота в строю мешает, – сказал старший. – Красота хочет, чтобы на нее смотрели. Железу все равно.

Писец смотрел на Люмен дольше, чем нужно.

Он пытался понять, где в ней поломка.

Так делали все новые.

Сначала искали крик, движение, дрожь, слезу, злость, страх, привычку. Потом начинали смотреть внимательнее. Потом отводили глаза, потому что отсутствие оказалось труднее выдержать, чем уродство.

– Она без шума? – спросил писец тихо.

Старший усмехнулся, но радости в этом не было.

– Наконец-то слышал.

– Тогда зачем ее держат здесь?

Палка снова ударила по сапогу старшего: раз, другой, третий. Он делал так, когда выбирал, объяснять или бить.

– С шумными просто, – сказал он и кивнул на безголосого. – Орет – вперед или в кляп. Дерет кожу – в ремни. Повторяет движение – дай железо и поставь туда, где это движение кого-нибудь убьет. Видит лишнее – держи отдельно, пока не начал рубить своих. Смешанный – до первого срыва, потом к кромке или в яму.

Писец записывал не людей, а способы применения. Так было легче и ему, и тем, кто потом прочтет утренний лист. У способа применения не бывает матери, имени до Леса и права отказаться.

Он ткнул палкой в землю перед Люмен.

– У каждого есть ручка. За нее дергаешь – он работает. А у этой ручки нет. Великий Архонт не просил беречь. Велел учить. Значит, учим. Но запомни, писарь: обычный дефект сломан. Эта пустая там, где должна быть полочка.

Он убрал палку.

– Дефект, в котором не осталось даже дефекта.

– А если она понимает? – спросил писец.

– Тогда хуже.

Писец поднял глаза.

– Почему?

– Потому что понимающее тело однажды решит, что принадлежит себе. На кромке это убивает быстрее страха.

Писец почти записал, потом остановился.

– Так и писать?

– Пиши: наблюдать.

Слова прошли по строю без звука. Не как новость. Как старая грязь, которую снова подняли сапогом.

Люмен удержала формулировку.

Она была точной.

После строя выдали похлебку.

Не в обычное время.

Обычно сначала муштра, потом еда, потом сортировка дневных работ, потом оружейный двор. Сегодня котлы открыли до солнца. Повар, бывший когда-то толстым человеком, а теперь состоявший из костей, ожогов и привычки мешать, разливал серую массу быстрее, чем обычно. Надзиратель у котла не ругался на тех, кто проливал. Две лишние бочки воды поставили у ворот. У оружейной уже горел свет.

Люмен получила миску, села на край скамьи и ела медленно.

Похлебка была кислой, теплой, густой от пережженной муки. В ней попадались мягкие куски, которые могли быть мясом, если не думать о том, откуда в бараках иногда брали мясо после плохих недель. Думать было необязательно. Тело принимало пищу. Этого хватало.

За соседним столом двое надзирателей говорили тише обычного.

– Северная кромка?

– Третья связка.

– Все?

– Не все. Хуже.

Пауза.

– Опять не зверь?

– Если бы зверь, маги не бегали бы с ночи.

Люмен не повернула головы. Поворачивали голову те, кто хотел услышать. Она слышала без поворота. В бараках звук всегда находил того, кто не мешал ему лишним движением.

Потом миски собрали раньше обычного.

Это заметили даже те, кто не должен был замечать. Безголосый поднял голову от пустой похлебки. Женщина с рубящей рукой сбилась на середине движения. Повар у котла провел ложкой по дну, остановился, посмотрел на старшего надзирателя и только после его взгляда снова начал мешать.

Ложка пошла по железному дну.

Связки подняли.

Не к работам.

Ко двору.

Двери барака распахнулись, и холод снаружи вошел внутрь вместе с запахом Леса. Камни двора еще держали ночную сырость. У северных ворот стояло больше людей, чем утром предыдущего дня: два мага вместо одного, писец с кожаным тубусом для донесений, лишний надзиратель у запора. У оружейной уже горел свет.

Оружейник вынес из темноты не учебные палки, а короткие мечи и начал проверять лезвия большим пальцем. Он ругнулся, когда нашел зазубрину на топоре из ночной связки. На самого носителя топора, стоявшего рядом с перебинтованным бедром, он даже не посмотрел.

Топор был важнее.

Носитель держался на ногах, значит, еще работал.

Дальше, у северных ворот, маг в серой дорожной мантии пытался не наступить на черную полосу земли, где трава никогда не росла. Он сделал шаг, остановился, переставил ногу

ближе к камню. Жест был маленький. В бараках маленькие жесты стоили больше громких слов.

Старший надзиратель не пил утренний настой из черной фляги, которую обычно держал при себе до второго колокола.

Это заметила не только Люмен.

Безголосый поднял голову в его сторону. Женщина с рубящей рукой сбилась на один удар. Повар у котла перестал мешать, пока старший не посмотрел на него.

Тогда ложка снова пошла по дну.

Старший надзиратель прошел вдоль связок и остановился у оружейной.

Обычно после еды учебной связке давали палки, утяжеленные деревом, и выводили к чучелам у южной стены. Сегодня оружейник снял с крюка связку коротких мечей.

Младший писец, все еще с дощечкой у груди, стоял за плечом старшего и не сразу понял разницу.

Дефектные поняли быстрее.

Те, у кого оставался страх, стали тише. Те, у кого страх выгорел, просто повернули головы к железу.

– Оружие, – сказал старший.

Оружейная раскрылась тяжелым деревянным ртом. Железо внутри лежало рядами: короткие мечи, копья, топоры с утолщенными рукоятями, ножи, щиты с ремнями для тех, чьи пальцы плохо держали. Без гербов. Без украшений. Без обещания славы. Железо здесь не показывали. Им работали.

Люмен получила короткий меч.

Только меч.

Рукоять была стерта чужими ладонями, гладкая в середине и шершавая у края, где кожа трескалась от пота. В насечках темнела старая кровь. Железо тянуло кисть вниз, требовало веса. Не линии. Не завершения. Не взгляда со стороны.

Тело подняло меч слишком чисто.

Почти красиво.

Палка ударила по предплечью.

– Ниже.

Кисть опустилась.

– Не показывай руку, мертвая. Режь.

Она повторила движение.

Слишком длинно.

Удар по ребрам сбил воздух. Тело осталось на ногах. Значит, исправление принято.

– Еще.

Она повторила.

Короче.

– Еще.

Меч прошел ближе к телу.

– Еще.

Тело хотело завершить движение. Хотело вытянуть линию, поставить плечо, удержать шею так, будто кто-то должен был смотреть и понимать, что перед ним не грязь, не казарма, не кромка.

Это была не память Люмен.

Это была привычка оболочки.

В костях сохранялись старые договоры с зеркалами, чужими взглядами и пространством, где каждое движение когда-то что-то значило.

Палка разрушала их по одному.

Подбородок ниже.

Кисть проще.

Плечо короче.

Шаг тяжелее.

Младший писец стоял у стойки с чучелами и смотрел слишком внимательно.

Старший заметил.

– Не на лицо смотри. На лишнее.

– На какое?

– На то, что не нужно для удара.

Люмен повторила движение.

Коротко.

Без красивого конца.

Палка на этот раз не опустилась.

– Вот, – сказал старший. – Уже меньше прошлого в руке.

Двор наполнялся движением.

Копейщик из первой связки работал так точно, что деревянное чучело после каждого удара качалось в одну сторону и возвращалось в прежнее положение. Он не смотрел на цель; его тело знало расстояние лучше глаз. Женщина с ру-

блящей рукой получила топор, и ее левое плечо ожило. Поднять, развернуть, ударить. Теперь в движении был звук дерева, расходящегося под лезвием. Человек, который тер кожу, бил ножом по мешку с песком, пока ремни на запястьях не натянулись до скрипа. Его лицо оставалось спокойным. Кровь текла под ремнями, но нож попадал туда, куда велели.

У стены оружейник перетягивал кожей рукоять чужого меча. Рядом сидел дефектный с рассеченной щекой. Кровь стекала ему за ворот, но надзиратель держал перед ним не тряпку, а ножны.

– Держи, – сказал он.

Дефектный держал.

Кожа на рукояти должна была лечь ровно.

Щеку перевязали потом.

Люмен работала до тех пор, пока тело не начало выдавать предел.

Предел не был желанием остановиться. Сначала левая стопа стала ставиться чуть позднее, чем нужно. Потом плечо запоздало за ударом. Потом пальцы на рукояти сжались слишком сильно, и меч потерял легкость возврата. Пот стекал по позвоночнику под рубашкой. Кожаные брюки натерли внутреннюю сторону бедра. На ладони лопнул пузырь, и рукоять стала скользкой.

Она изменила хват.

Меч стал ближе к телу.

Удар стал короче.

Полезнее.

Старший заметил.

– Уже почти не танцует.

Писец поднял глаза.

– Что?

– Записывай, если руки не дрожат. Эта начала понимать, что железу плевать на происхождение кости.

К полудню двор перестал быть обычным.

Писец с кожаным тубусом попросил списки первой и второй связки, получил их, отошел к магам, вернулся и попросил учебную. Старший надзиратель посмотрел на него так, что писец едва не уронил таблички.

– Учебную зачем?

– Для полноты учета.

– Учет ползет к кромке?

Писец не ответил.

Старший вырвал из его рук дощечку, прочел чужие пометки, вернул.

– Перепишешь еще раз – переписывай сразу расход. Чернила дешевле крови, маги это любят.

У ворот маги спорили тихо.

Один из них был молод, но старательно держал лицо старым. Вторая была старше, с темной полосой ожога у подбородка; она не боялась грязи и смотрела не на бараки, а на северные ворота. Третий, в бронзовой перевязи пограничного Совета, то и дело поправлял рукав, под которым поблески-

вала печать.

– Если это сместится к дороге, – сказала женщина с ожогом, – нам не хватит стен.

– Оно не сместится, если не кормить слухами весь гарнизон.

– Слухи не едят людей.

– Зато отчеты едят должности.

– А кромка ест быстрее.

Маг с перевязью обернулся, и разговор оборвался.

Люмен не знала их имен.

Имена не меняли распределение страха.

От ворот принесло запахом Леса.

Сырость стала резче. Мох у камней потемнел. Лошадь в дальнем загоне ударила копытом и не остановилась после первого окрика. Один из магов поднял руку, будто хотел закрыть нос рукавом, но передумал. Жест остался незавершенным. Незавершенные жесты выдавали людей лучше слов.

Потом за воротами ударил рог.

Не учебный.

Не ровный.

Один длинный звук, надломленный в конце.

Двор остановился.

Не полностью. Дефектные редко останавливались полностью без приказа. Женщина с топором еще раз ударила по чучелу. Безголосый открыл рот. Тот, кто тер кожу, дернул ремни. Но общий порядок застыл, как ткань перед разрывом.

Старший надзиратель поднял палку.

– Строй.

Связки встали.

Ворота раскрылись.

Патруль вернулся без колонны.

Это было хуже отсутствия патруля.

Отсутствие можно было списать. Колонну можно было принять. А то, что вошло во двор, требовало смотреть, считать, нюхать и признавать.

Двое шли сами.

Третьего вели под руки, хотя его ноги делали шаги с запозданием. Четвертого тащили на волокуше. Пятый был привязан к седлу лицом вниз, и его рука волочилась по земле, оставляя черную полосу. Лошадь дрожала всем телом. На ее боку была длинная рана без крови: края сухие, темные, как будто плоть не разрезали, а выжгли изнутри.

Запах пришел впереди них.

Железо. Выжженная кожа. Черная лесная жижа. Страх, такой плотный, что даже дефектные, в которых страх давно выгорел, начали двигаться иначе.

Магистр у ворот сделал шаг вперед.

Его мантия оставалась чистой, и от этого он казался еще более чужим. Лицо он держал ровно, но кожа у ноздрей побелела, а пальцы на миг сжались на краю рукава.

Люмен смотрела на эти мелочи без интереса.

Страх делал приказы короче.

И чаще – глупее.

Один из выживших, мужчина с выбритой головой и металлическим фиксатором вокруг шеи, попытался отдать рапорт. Вместо слов у него изо рта вышла густая черная слюна. Он проглотил ее, дернулся и сказал:

– Оно не держало форму.

Магистр моргнул.

– Что значит – не держало?

Выживший поднял голову.

В левом глазу у него расплзалось кровоизлияние. Правый смотрел в сторону Леса, хотя тело стояло лицом к магистру.

– Оно звало, – сказал он. – Не голосом. Шумом. Наши пошли на него. Не по приказу.

На волокуше что-то дернулось.

Тот, кого тащили четвертым, внезапно поднялся до половины. Слишком резко для человека с пробитой грудью. Рот раскрылся. Звука не было. Левая рука описала движение, которого Люмен не видела у него раньше: поднять, развернуть кисть, ударить вниз.

Такое же, как у женщины с топором.

Только не ее.

Не из бараков.

Принесенное снаружи.

Старший ударил раненого по горлу.

Коротко.

Тело захрипело и упало обратно на волокушу. Женщина с топором в строю остановила руку на середине движения, как будто чужой удар перерезал нить, натянутую к ее плечу.

В бараках стало тихо.

Не спокойно.

Тихо.

Маги появились почти сразу, хотя до этого делали вид, что находятся здесь по собственному расписанию. Женщина с ожогом подошла первой. Маг с перевязью – следом, медленнее. Молодой остался на полшага позади и не смотрел на волокушу.

– Сколько готовых? – спросил магистр с перевязью.

Старший надзиратель не поклонился. В бараках кланялись только тем, кто мог вернуть мертвое тело в работу. Маги такого не умели.

– Две связки полностью. Третья после муштры, держится. Учебная не прошла кромки.

– Учебная тоже пойдет. Империя держит учебных не для учебы, – сказал магистр. – Она держит их для часа, когда готовых не хватит.

Старший повернул голову.

– Учебная не прошла кромки.

– Я слышал.

– Тогда вы слышали и то, что мертвые единицы плохо держат границу.

Магистр посмотрел на него так, будто палка заговорила

вместо человека.

Женщина с ожогом не отвела взгляда от ворот.

– Если не закрыть кромку до темноты, оно выйдет к дороге.

– Дорога не моя, – сказал старший. – Мои – связки.

– Дорога ведет к поселку.

– Поселок не удержит кромку, если я положу туда тех, кто еще не держит строй.

Молодой маг резко сказал:

– Если слухи уйдут в столицу раньше отчета, здесь будут считать не ваши связки.

Старший посмотрел на него.

– А что?

Молодой не ответил.

Магистр с перевязью ответил за него:

– Вину.

Слово легло на двор ровно и тяжело.

– Совет не примет объяснение, что бараки берегли боевой материал, пока выброс шел к дороге, – сказал магистр.
– Император тоже.

На имени императора воздух изменился.

Надзиратели стали тише.

Писец перестал писать.

Дефектные не поняли смысла, но услышали, как люди с властью споткнулись о собственный страх.

Женщина с ожогом сказала ниже:

– Если это дойдет до столицы без нашей печати, сюда пришлют не писца.

Она не закончила.

Молодой маг все равно побледнел.

Старший посмотрел на северные ворота.

– Первую связку вы уже съели ночью.

– Кромка съела, – поправил магистр.

– Кромка не подписывает приказов, – сказал старший.

– Приказы подписывают там, где еще можно выбирать, – ответил магистр. – Здесь выбирают между расходом и дорогой.

– Вы повели.

– Я приказываю вести еще.

– Третья после муштры.

– Пойдет.

– Учебная не держала кромки.

– Пойдет.

– Если они сорвутся, я потеряю не расход. Я потеряю то, чем завтра придется закрывать ворота.

Женщина с ожогом сказала:

– Если не закрыть кромку сегодня, завтра ворот может не быть.

Старший посмотрел на нее.

Не как на мага.

Как на человека, который сказал не глупость.

Это было редкостью.

– Тогда ведите первую и вторую, – сказал он.

– Недостаточно.

– Третью.

– Недостаточно.

Магистр с перевязью поднял подбородок:

– Полная связка.

Старший молчал.

Теперь все поняли, что означает слово полная.

Не потому, что в нем была угроза. Потому что в него входили те, кого еще не должны были вести к Лесу с настоящим железом. Старший посмотрел на Люмен. Не отдельно. Как на последнюю часть приказа, который ему не удалось отвести.

Она стояла в третьем ряду с коротким мечом у бедра. Тело помнило удары утра, лопнувший пузырь на ладони, натертую кожу под брюками, тяжесть меча. До этого меч был продолжением муштры. Теперь он становился частью приказа к Лесу.

– Полная связка, – повторил старший.

Потом его взгляд прошел по учебным.

По безголосому.

По женщине с рубящей рукой.

По Люмен.

– Вся.

Глава 2

Северные ворота открывали медленно.

Не потому, что створки были тяжелыми. В бараках хватало рук, чтобы распахнуть их одним рывком. Но боевую связку не выпускали за стену, пока она не была собрана.

Связка не была отрядом.

Отряд держался на приказе, страхе наказания, выучке и желании вернуться живым. У дефектных из этого почти ничего не оставалось. Приказ они слышали не всегда. Страх у одних выгорел, у других застрял внутри и мешал хуже раны. Желание вернуться требовало будущего, а будущее плохо держалось в тех, кого Лес уже однажды пережевал.

Связку собирали иначе.

Из поломок.

Одного ставили вперед, потому что он не отступал, даже когда тело уже должно было просить о пощаде. У него в груди жила ярость, очищенная от причины. Она не знала, кого ненавидит, поэтому ее можно было направить на любое горло.

Другого ставили сбоку: его тело помнило один удар и могло повторять его до разрыва мышцы. Такой не думал о победе. Он просто рубил, пока рука не переставала быть рукой.

Третьего держали между двумя устойчивыми: в нем оставался внутренний крик. Если крик прорывался наружу, ря-

дом падали не только враги, но и свои. Если его удерживали, он шел вперед, как натянутая тетива.

Были те, кто не чувствовал боли вовремя. Те, кто слышал движение раньше, чем видел его. Те, кто не мог остановить-ся без удара по колену или затылку. По одному они были опасным браком. Вместе – оружием, если успеть поставить их правильно.

Шум был не слабостью.

Шум был тем, что осталось от человека и еще могло ра-ботать.

Лес выжигал память, имя, привязанность, жалость. Но иногда оставлял ярость, привычку, боль, движение, крик. Все это было плохим материалом для жизни. Для боя – при-годным.

Поэтому дефектных кормили, лечили, били, связывали, учили стоять в рядах и выводили к кромке не как мусор.

Мусор не проверяли перед боем.

Мусор не считали.

Мусору не выдавали настоящее железо.

Считали не мусор, а вложение. На каждый обруч уходило железо, на каждую миску – крупа, на каждого вернувшегося – место у стены, которое не занимал живой солдат. Это де-лало дефектных ценнее и страшнее: вещь, которую берегут не потому, что она своя, а потому, что без нее сломается чу-жой дом.

Старший надзиратель шел вдоль строя и собирал связку

взглядом.

Не лица.

Функции.

Первый ряд – те, кто выдержит первый удар и не побежит. Второй – те, кто ответит движением на движение. Третий – те, кого можно бросить в брешь, если первые два ряда раскроются. По краям – надзиратели с короткими баграми. Багром можно было зацепить плечевой ремень, дернуть единицу назад, сбить с ног или толкнуть вперед, если пользы сзади от нее уже не осталось.

Магистры проверяли железные обручи на шеях.

Обручи не управляли дефектными.

Нельзя было вложить в них приказ, нельзя было повернуть тело, как поворачивают коня поводом. Обруч делал меньше и потому был полезен: он гасил первый прорыв шума. На один вдох. На два. Иногда только на половину удара – но на кромке и этого хватало, чтобы сосед успел поднять оружие, надзиратель – дернуть багром, а магистр – не умереть от собственного высокомерия.

Когда обруч темнел, единица еще держалась.

Когда обруч начинал звенеть, срыв подходил близко.

Когда железо нагревалось, надзиратель уже не спорил с магами. Он решал, тащить дефектного назад или пустить вперед, пока шум не расползся по всей связке.

Магистр с бронзовой перевязью коснулся обруча на шее безголосого. Железо под его пальцами дрогнуло и ответило

глухим низким звоном.

Магистр нахмурился.

Старший надзиратель заметил, куда он смотрит.

– Он держал строй утром, – сказал старший.

– Обруч отвечает плохо.

– Обруч отвечает плохо, – повторил старший. – Ноги отвечают нормально. Руки тоже. Сегодня этого достаточно.

Магистр убрал пальцы.

Он мог спорить с надзирателем о Совете, отчетах и вине. О том, сколько шагов пройдет дефектный до срыва, спорить было труднее.

Люмен стояла в третьем ряду.

По месту – там, куда бросали то, что должно закрыть брешь.

По природе – нигде.

У каждого в связке было то, что можно было использовать: крик, боль, ярость, движение, привычка, голод, страх, ненависть без адреса. У Люмен не было ничего.

Именно поэтому ее поставили туда, где пустое место могло оказаться полезнее сломанного.

Писец стоял у ворот.

Он не шел к кромке. Никто в бараках не тратил человека с чернилами там, где нужны были руки с железом. Писец держал деревянные таблички под мышкой, чернильницу у пояса и костяное перо за ухом. Его задача была проще и чище боя: записать, сколько вышло, сколько вернулось, кого сожгли на

месте, кого можно будет списать позже.

Он держал подбородок высоко, как человек, которому приказали не выглядеть испуганным.

Страх был в другом: в том, как он берег таблички от чужих плеч, грязи и ремней.

Для барачников учет был не памятью.

Память требовала человека.

Учет требовал только числа.

У стены двое надзирателей проверяли бурдюки с маслом. Один нес связку смоляных факелов. Если тела нельзя будет вернуть, их должны были сжечь на месте. Так говорили маги. Старший надзиратель называл это иначе: не дать Лесу доесть то, что уже было оплачено.

Ворота раскрылись.

Холод вошел во двор.

Связка двинулась.

Не как колонна здоровых солдат. У здоровых порядок держался на воле, страхе наказания и желании дожить. У дефектных порядок собирали из того, что осталось после Леса. Одних ставили туда, где тело помнило удар. Других – туда, где ярость могла толкнуть вперед. Третьих держали между двумя более устойчивыми, чтобы чужой шаг не дал им развалиться раньше времени.

Надзиратели шли по краям.

Багры держали низко, почти у бедра. Не для угрозы – для работы. Дернуть назад. Сбить с ног. Развернуть плечом к

врагу. Толкнуть вперед. Иногда одно короткое движение багра сохраняло связку лучше, чем три магических приказа.

Люмен шла за второй связкой.

Меч бил по бедру в одном и том же месте. Кожа под ремнем уже была натерта утром, и каждый шаг уточнял повреждение. Левая рука слушалась хуже правой после муштры. Пальцы иногда слишком поздно возвращались в нужное положение.

Это не отменяло приказа.

За воротами земля сначала ничем не отличалась от двора, и именно это делало первые шаги хуже. Те же камни, та же влажная колея, тот же серый свет. Только через несколько десятков шагов начинались мелкие несовпадения.

Сначала исчезли насекомые.

Люмен заметила это не сразу. У рва всегда кружились мелкие мошки, садились на потную шею, лезли в глаза лошадям. Здесь воздух оставался влажным, но пустым. Потом перестала слышаться вода. Канава вдоль дороги была полной после дождей, Люмен видела движение на поверхности, однако привычного журчания не было.

Ров слева.

Сигнальный столб справа.

Ворота за спиной.

Эти три точки надзиратели заставляли запоминать каждого, кто выходил впервые. Пока человек мог назвать их положение, он еще понимал, где находится.

Дальше начиналась кромка.

Не полоса на земле и не край чащи. Ее нельзя было показать пальцем. Один шаг мог принадлежать обычному миру, следующий – уже нет, хотя под ногами оставалась та же грязь. Маги определяли переход по отклику железа, по поведению мха, по кольцам сигнального столба. Дефектные были еще одним прибором, только живым: у одного раньше времени начинал работать старый жест, у другого появлялся звук, третий вдруг поворачивался к Лесу, хотя ничего не видел.

Люмен почувствовала переход иначе.

В какой-то момент расстояния перестали казаться надежными. Ворота за спиной остались там же, но мысль о них стала требовать усилия. Столб справа выглядел ближе, чем секунду назад, хотя никто не менял шаг. Воздух пах железом, потом мокрой древесиной, потом на один вдох – чужим домом, которого Люмен никогда не знала.

Обручи на шеях дефектных отозвались раньше, чем магистр поднял руку.

Один короткий звон.

Потом второй.

Безголосый в первом ряду дернул головой, будто кто-то позвал его из-за деревьев.

Старший надзиратель сразу поднял багор.

– Глаза вперед. На зов не отвечать.

Никто не спросил, какой именно зов.

В этом и состояла работа кромки: она редко приносила в

мир что-то отдельное. Гораздо чаще брала то, что уже было внутри человека, и делала это сильнее.

У женщины с рубящим движением дрогнула левая кисть.

У широкоплечего дефектного участилось дыхание.

У безголосого открылся рот.

Люмен ничего не почувствовала.

Это заметил магистр.

Он посмотрел на нее дольше, чем нужно, потом перевел взгляд на Лес.

Старший не обернулся.

– Не радуйся, – сказал он, будто отвечая не магистру, а самому месту. – Оно всегда сначала ищет, за что взять.

Первые тела нашли у старого каменного рва.

Двое из ночной связки стояли на коленях лицом к Лесу.

Один был мертв. Это было видно по шее: голова держалась под неправильным углом, и обруч врезался в кожу глубже с одной стороны. Но его правая рука продолжала работать. Поднять. Развернуть кисть. Ударить вниз. Поднять. Развернуть. Ударить. В пальцах не было оружия. Ногти скребли воздух.

Второй еще дышал.

Дыхание шло через рот, мокро и редко. Вокруг железного обруча на шее кожа вздулась темной полосой. Металл был не расплавлен, но почернел и будто вдавился внутрь. Полу-живой дефектный открывал глаза каждый раз, когда из Леса приходил звук, и пытался повернуть голову туда, где звука

не было.

Младший надзиратель шагнул к нему.

Старший резко сказал:

– Не подходи.

Младший замер.

– Почему?

– Потому что если его еще держит то, что его сломало, он потянет тебя следом. Не руками – шумом. Стой там.

Это было достаточно понятно.

Младший остался на месте.

Магистр с перевязью поднял руку.

– Осмотр.

Слово не успело стать приказом.

За рвом шевельнулось то, что Лес не доел.

Оно не было зверем.

У зверя было назначение тела: челюсти для хватки, лапы для бега, шкура для защиты, спина для удара, брюхо для уязвимости. У этого назначение менялось.

На миг оно собрало себя в горбатую фигуру, опирающуюся на слишком длинные передние конечности. Потом провалилось внутрь себя, как мокрая ткань, брошенная в яму. Потом поднялось снова – комом корней, темного мяса, мокрых лоскутов, лиц, которым не хватало черт для узнавания. В нем открывались рты. Не для еды. Для повторения.

Один рот беззвучно кричал.

Другой улыбался детской улыбкой.

Третий шептал без слов, и от этого безголосый в первом ряду выгнул шею, будто услышал собственное имя.

– Строй, – сказал старший.

Его голос не стал громче.

Громкость была для тех, кто еще сомневался в приказе.

Магистр поднял вторую руку. Не для управления дефектными. Для обручей. Серый свет пробежал по железу на шеях – короткий, тусклый, как искра под мокрой золой.

Первый прорыв шума должен был захлебнуться.

Хотя бы на вдох.

– Вперед, – сказал старший.

Боевые единицы пошли.

Сильные.

Быстрые.

Смертельно полезные.

Копейщик из первой связки сократил расстояние на три быстрых шага и вышел на длину удара.

До Леса он, вероятно, был солдатом или убийцей: тело помнило не страх, а меру. Копье ударило туда, где у живого существа была бы середина. Древко легло ровно, плечо выдержало отдачу.

Женщина с рубящим движением прошла ниже, чем обычный человек успел бы заметить. Топор открыл выбросу бок. Если это можно было назвать боком.

Третий дефектный, широкоплечий, с яростью вместо лица, бросился не вперед, а в упор. Вонзил оба ножа в темную

массу и удержал ее на месте собственным весом. Он не кричал. Ярость в нем была не звуком, а механизмом.

На мгновение все сработало. Магистр даже выдохнул. Если бы перед ними было тело, оно бы умерло. Но под копьем не было середины. Под топором – края. Под ножами – боли.

Плоть разошлась, приняла древко и сомкнулась вокруг него, как вода вокруг руки. Топор вышел с темной жижей и куском корня, который тут же начал шевелиться отдельно. Дефектный с ножами удерживал выброс еще один удар сердца, потом его собственная спина выгнулась, будто кто-то дернул за позвоночник изнутри.

Выброс издал звук.

Не крик.

Скорее, множество внутренних поверхностей потерлись друг о друга. Звук не шел в уши. Он шел в полочки.

Безголосый ответил первым.

Его рот раскрылся шире, чем позволяла челюсть. Звука все еще не было, но воздух вокруг него дернулся, как ткань под ветром. Обруч на шее вспыхнул, погас, снова вспыхнул. Магистр сжал пальцы.

Поздно.

Женщина с топором остановилась. На половине движения ее рука перестала быть ее движением. Поднять. Развернуть кисть. Ударить вниз. Поднять. Развернуть. Ударить. Она повторила то, что делал мертвый у рва, и топор пошел не в выброс, а в плечо копейщика.

Копейщик не отступил. Он не умел отступать без команды.

Человек, который тер кожу, сорвал ремень на запястье зубами. Второй ремень выдержал, поэтому он начал рвать собственную грудь свободной рукой. На лице у него не было ужаса. Было пустое облегчение: он наконец нашел место, где под кожей полз Лес.

Смешанный из второй связки засмеялся чужим голосом и бросился вперед без приказа. Его топор вошел в выброс, потом рука ушла по локоть, потом плечо. Он продолжал рубить внутри, пока удары не стали частью общего движения.

То, что делало их сильными, стало дверью. Ярость услышала зов. Движение нашло чужой ритм. Боль открыла кожу. Крик пошел внутрь связки, а не наружу. Строй раскрылся.

Выброс вошел в брешь.

Люмен встретила его мечом. Удар пришелся не по плоти. По давлению перед ней. По запаху сырой коры. По чужой боли без образа. По скрежету зубов там, где не было зубов. Левая рука онемела от запястья до локтя. Меч был в правой. Она еще слушалась.

Значит, шаг должен стать короче.

Значит, удар должен идти ближе к телу.

Значит, прежняя дуга убьет быстрее, чем чужая пасть.

Она сместилась вправо.

Не так, как тело хотело бы двигаться, если бы слушало старую пластику. Не широко. Не завершено. Без линии, ко-

торуую кто-то мог бы оценить. Клинок вошел в мокрую темную ткань выброса, задел плотную жилу, похожую на корень, и вышел с черной жижей.

Выброс не умер.

Но отступил на половину шага.

Этого хватило, чтобы Люмен поняла: он не находил в ней того, за что хватал остальных.

Не было крика, на который можно ответить.

Не было ярости, которую можно развернуть.

Не было страха, за который можно дернуть.

Не было старого движения, которое можно украсть. Баракки выбивали из тела лишнее весь год, удар за ударом, и теперь то, что осталось, было короче, грубее, полезнее.

Память тела не принадлежала Люмен.

А пустота не отзывалась.

Была только пустота и тело, уже достаточно избитое, чтобы бить коротко.

– Сомкнуть! – крикнул старший.

Не сомкнули.

Дефектные были сильны, но сила расходилась по своим трещинам. То, что делало их оружием, выброс разворачивал против них. Кричащие заражали кричащих. Движение крало движение. Боль искала себя под кожей. Ярость шла туда, куда ее звали, даже если зов шел из пасти без рта.

Магистр попытался произнести формулу. На третьем слове его голос сломался. Люмен услышала это так же ясно, как

звук меча о кость. Контроль отказал.

Дальше бой стал фрагментами.

Ров слева.

Сигнальный столб справа.

Ворота позади.

Грязь у колена.

Кровь на зубах. Не ее.

Рукоять скользит.

Сжать сильнее.

Тело рядом падает и перекрывает траекторию.

Перешагнуть.

Не смотреть на лицо.

Лицо не несет пользы.

В боку мертвого дефектного расходится рана, и из нее открывается что-то похожее на рот.

Ударить туда.

Не глубоко.

Быстро.

Еще шаг.

Земля уходит из-под ботинка.

Удержаться.

Волосы липнут к глазам.

Меч снова.

Короче.

Еще короче...

Команда на отход прозвучала поздно.

Отход тоже распался.

Один надзиратель тащил за багор дефектного, который шел обратно к выбросу, как к дому. Другой бил копейщика по колену, чтобы заставить его выпустить древко, уже вросшее в темную массу. Женщина с топором стояла над раненым и продолжала чужое движение, пока старший не ударил ее в висок рукоятью.

Люмен вернулась потому, что помнила ворота, ноги еще слушались, а зов, которым выброс собирал шумных обратно к себе, не находил в ней ответа.

Из двадцати семи вернулись девять.

Из шести надзирателей – трое.

Из двух магистров – один, и тот шел без мантии, прижимая к груди обугленную руку.

Писец встретил их у ворот.

До выхода на его первой табличке было двадцать семь коротких отметок.

После возвращения он долго не ставил новые.

Потом зачеркнул одну строку.

Потом вторую.

Потом понял, что места для мертвых больше, чем для живых, и перевернул табличку.

Чернила легли на дерево густо, почти черной коркой.

Во дворе бараков никто не кричал.

Старший надзиратель стоял у ворот, пока вернувшиеся проходили мимо. Палка была в его руке. Он не бил.

Люмен прошла последней из своей связки.

Кожаные брюки были покрыты грязью до бедра. Рубашка потемнела у левого плеча и на боку. На правом рукаве за-сохла черная жижа, не принадлежавшая ее телу. На нижней губе была трещина. Волосы выбились из завязки и липли к шее. Ботинки стали тяжелее от налипшей земли. Левая рука работала хуже правой, но еще работала.

– Жива, – сказал старший.

Люмен остановилась.

Фраза могла быть вопросом. Могла быть констатацией. Его голос не дал точного выбора между ними.

– Могу идти, – сказала она.

Старший посмотрел на нее дольше обычного и пропустил внутрь.

Похлебку выдали после перевязки.

Перевязка заняла недолго. Ткань прижали к бедру слишком туго. Это мешало шагу, но уменьшало потерю крови. Левая рука возвращала чувствительность медленно, неприятными иглами под кожей. Рот ощущал соль и железо. Желудок сокращался пусто. Оболочка израсходовала почти весь запас.

Люмен сидела у длинного стола в общем бараке, между безголосым дефектным, который теперь молчал полностью, и женщиной, чья левая рука продолжала едва заметно подниматься, разворачиваться и опускаться. Поднять, развернуть, ударить. Поднять, развернуть, ударить.

Люмен держала миску обеими руками, чтобы левая не уронила ее.

Ела медленно.

Не потому, что было неприятно. После такого расхода сил тела часто возвращали пищу обратно, если получали ее слишком быстро. За год она видела это достаточно раз.

Барак пах кровью, мокрой кожей, дымом, гнилыми бинтами и похлебкой. Над дверью висела лампа. Пламя дрожало, хотя сквозняка не было.

Маги собрались у дальнего стола.

Их осталось меньше, чем ушло к кромке, но говорили они так, будто количество можно было исправить тише произнесенными словами.

– Доклад уже ушел, – сказал один.

– Если он прибудет раньше совета...

– Он уже прибыл бы, если император решил...

Слово оборвалось.

Снаружи раздался смех.

Негромкий.

Хрипловатый.

Чужой для бараков. Здесь смеялись дефектные, если поломка заставляла их. Надзиратели смеялись редко и грубо. Маги не смеялись вовсе, когда их мантии пахли страхом. Этот смех был другим: будто по железу провели ножом.

Дефектные стихли.

Не успокоились – стихли, как звери перед большим пожа-

ром.

Маги побледнели первыми. Один поднялся так резко, что скамья скрипнула. Второй не поднялся вовсе, но его пальцы сложились в знак защиты, который он не успел завершить. Старший надзиратель у двери выпрямился. Палка в его руке показалась вдруг слишком короткой.

Вошел человек.

На нем не было парадной формы представителя императора. Темный дорожный сюртук, забрызганный грязью у подола. Одна перчатка на руке, другая заправлена за ремень. Волосы темные, растрепанные ветром, слишком длинные для военного порядка и слишком небрежные для дворца. На вороте – тонкая металлическая пластина с императорским знаком, надетая так, будто это была не печать власти, а чужая кость, которую он временно согласился носить.

Лицо у него было узкое, резкое, с упрямой линией скул и ртом, который будто заранее знал, где у чужой боли смешная сторона. Несколько дней щетины темнили подбородок. Под левым глазом лежала тень – не усталость, а след чего-то, что не спало вместе с ним. Он двигался легко, почти лениво, но в этой лени не было покоя: тело держалось так, словно в любую секунду могло сорваться.

Он оглядел барак.

Не с сочувствием.

Не с ужасом.

С видом человека, который видел достаточно дерьма, что-

бы различать сорта.

— Как мило, — сказал он. — Ужин, кровь, маги в углу. Почти дворец.

Никто не ответил.

Дефектные отводили взгляды как по команде. Те, в ком поломка отзывалась звуком, реагировали на него раньше, чем успевали понять. Безголосый зажал уши, хотя человек больше не говорил. Женщина с рубящим движением остановила руку на середине подъема. Тот, у кого запястья были стянуты ремнями, перестал дергать кожу. Даже лампа над дверью будто стала гореть ниже.

Люмен подняла взгляд от миски только тогда, когда он подошел достаточно близко, чтобы быть опасным.

Важнее лица было движение.

Хищное, легкое, с насмешливой экономией, но в каждом шаге жило внутреннее дрожание, будто тело постоянно спорило с давлением изнутри. Глаза были слишком живыми для бараков. Не яркими — живыми. В них что-то двигалось и не собиралось подчиняться.

Шум у него был не как у дефектных.

У дефектных шум выдавал себя наружу: криком, дрожью, повтором, рваным жестом, болью, которая не знала, куда идти.

У этого человека шум не вытекал.

Он был собран.

Не укрощен — нет. Скорее, удержан так близко к воле, что

казался вторым взглядом. Чем-то внутри него, что замечало мир вместе с глазами и выбирало, куда ударить.

У дефектных шум дергался.

У него – смотрел обратно.

Магистр у дальнего стола побледнел сильнее.

– Киан, – произнес он слишком тихо.

Имя вошло в барак после человека. Позже, чем страх.

Люмен удержала звук.

Не как имя.

Как отметку, которую остальные привязали к опасности.

Киан остановился.

Сначала его взгляд прошел по ее ботинкам. Грязь. Засохшая жижа. Правый шнурок оборван и перевязан узлом. Потом – по кожаным брюкам, темным от воды и крови у колена. Потом – по рубашке, потемневшей у плеча. Потом – по миске в ее руках.

И только потом – по лицу.

Изменение в нем было быстрым.

Не узнавание, с каким люди смотрят на мертвое и боятся мертвого.

Не жалость.

Сначала пустота.

Потом злость.

Потом улыбка, тонкая и веселая настолько, что ее можно было принять за угрозу даже без опыта.

Он наклонил голову.

– Вот что они сделали с твоим лицом, – сказал он. – Поставили в строй.

Люмен держала миску обеими руками. Пальцы левой еще плохо подчинялись. Похлебка остывала.

– С чьим лицом? – спросила она.

Он улыбнулся шире – зло, почти благодарно, будто боль наконец дала ему удачную шутку.

– Вот именно, – сказал он. – Кто бы это мог быть.

Глава 3

Киан смотрел на нее недолго, но этого хватило, чтобы барак успел почувствовать чужое внимание и притихнуть прежде, чем кто-нибудь понял причину. Люмен продолжала есть. Похлебка успела остыть; серый жир собрался по краям миски.

Киан отвернулся первым.

– Теперь о кромке, – сказал он, подходя к длинному столу, за которым сидели маги.

Магистр с бронзовой перевязью поднял голову. Левая рука у него была перетянута свежей повязкой, уже потемневшей возле локтя; на самой перевязи засохла черная жижа, принесенная с кромки. Рядом сидела женщина с ожогом у подбородка – Люмен видела ее утром у северных ворот. Та выбрала место так, чтобы одновременно видеть дверь, Киана и узкие окна в сторону Леса.

– Сначала полномочия, – произнес магистр.

Киан усмехнулся, но без прежней легкости.

– Конечно. Девять вернулись из двадцати семи, по вашим же замерам кромка подошла к посту, обручи начали звенеть до контакта, но без печати катастрофа, видимо, будет считаться оформленной ненадлежащим образом.

Он достал из-за ворота тонкую пластину с императорским знаком и положил на стол. Молодой маг справа от женщины

с ожогом машинально потянулся к ней, однако остановился, когда та едва заметно качнула головой.

– Приказ? – спросила она.

– Догнал меня в дороге.

Женщина чуть прищурилась.

– Значит, вы выехали раньше него.

– Значит, столица снова оказалась медленнее неприятностей.

– Или вы ехали не из-за кромки.

На этот раз Киан посмотрел на нее с настоящим интересом.

– А вы не зря сели ближе к двери.

Магистр положил здоровую руку на стол.

– Здесь пограничный объект Совета.

– Здесь девять живых вместо двадцати семи, – ответил Киан. – Совет пока может подождать.

– Совет удерживает эту границу три века.

– Людьми, которых удобнее не называть людьми.

Молодой маг дернулся, будто хотел возразить, но магистр опередил его:

– Вы говорите так, словно есть чистый выбор. Если кромка выйдет к дороге, поселок не доживет до утра. Караванный тракт встанет через два дня. Потом голод пойдет южнее, чем Лес.

– А значит, тела у ворот уже можно тратить без спроса.

– Спросить можно того, кто способен ответить.

Киан посмотрел на него почти спокойно.

– Удобное определение души.

Женщина с ожогом сказала:

– Не души. Дееспособности.

– Еще удобнее.

За северной стеной протрубил рог.

Один короткий сигнал.

Люмен подняла голову вместе со всеми. В бараках она слышала этот рог много раз: первый звук означал проверку огня на башне над северными воротами, второй подтверждал, что пост видит выносной сигнальный столб у кромки. Второго не последовало.

Старший надзиратель у двери выругался вполголоса.

Киан повернулся к нему.

– Что должно было быть дальше?

– Ответ с башни, – сказал старший. – Второй рог.

– Почему его нет?

Никто не ответил сразу.

Люмен поставила миску на лавку. До этого дня пост казался ей замкнутой системой: грязной, жесткой, не всегда разумной, но системой. Караул менялся по часам. Северные ворота открывались только по приказу. Связки собирали по функциям. Писцы вносили живых и мертвых в расход. Маги отслеживали отклик. Надзиратели знали, кого можно оставить без ремня хотя бы на ночь. Теперь порядок продолжал существовать, хотя причины доверять ему исчезали одна за

другой.

Сначала не вернулась ночная связка. Потом расстояние до кромки начало сокращаться. Потом обручи стали отзываться раньше, чем шум успевал добраться до связки. Теперь не пришел ответ с башни.

При этом на стене возле кухни кто-то успел утром вывести мелом норму крупы на день.

Это успокаивало хуже любой паники.

– Начнем сначала, – сказал Киан. – Что вы знаете точно, а не что успели оформить.

Магистр откинулся на спинку стула.

– Формулируйте вопрос.

– Кромка.

– Зона отклика нестабильна.

– Я спросил не название состояния.

– Это термин.

– Тогда переведите его на язык людей, которые измеряют расстояние до Леса шагами.

Женщина с ожогом положила ладони на стол. Короткие сильные пальцы были почерневшими у ногтей от копоти и реагентов.

– За месяц семь признаков смещения. Три подтвержденных выброса. Один ночной срыв малой связки. Два случая раннего звона обручей. Сегодня – первый массовый зов.

– Кромка двигалась?

– Не в физическом смысле, – ответил магистр.

Старший надзиратель коротко хмыкнул.

Киан повернулся к нему.

– Вы не согласны?

– Неделю назад от северных ворот до первой мертвой сосны было сто сорок два шага. Вчера – сто тридцать восемь. Сегодня утром – сто тридцать пять.

– Это может быть деформация почвы после выбросов, – сказал магистр. – Само расстояние еще ничего не доказывает.

Старший перехватил багор удобнее.

– Земля сама к воротам не идет.

В комнате никто не засмеялся. Спор был слишком практическим: один человек защищал термин, другой – число шагов, которое оставалось до стены.

Издалека донесся металлический удар. Затем еще один, чуть тише, будто кто-то проверял железо и не был уверен, что получит ответ.

Люмен посмотрела в сторону северной стены. За ней шла дорога к рву, дальше стоял выносной сигнальный столб с тремя железными кольцами, за ним – мертвые деревья и редкая полоса земли, которую еще можно было назвать дорогой. За кромкой начинался поселок. Оттуда зимой возили картофель, соль, уголь и людей на смену караулу.

Пост существовал не для себя.

Если Лес продолжит идти, после столба исчезнет ров. Потом дорога. Потом поселок останется на той стороне стены,

которая еще вчера считалась безопасной.

– Почему вчера вывели учебных? – спросил Киан.

Он смотрел на магов, но ответил надзиратель.

– Потому что за нами дорога.

– Учебные не должны были быть в первой линии, – возразил магистр.

– Они и не были.

– Но вышли.

– Вышли все, кого можно было поставить между выбросом и воротами.

Надзиратель произнес это без оправданий. Так же объясняли, почему ломают дверь при пожаре или режут ремень, если человек уже начал душить сам себя.

Киан коротко кивнул.

– Кто подписал вывод учебных?

Магистр посмотрел на него устало.

– В положении о приграничных бараках это не требует отдельной подписи. При смещении кромки весь очищенный контингент переходит в распоряжение поста до снятия угрозы или списания.

– До смерти?

– До снятия угрозы или списания.

– Красивое слово.

– Точное.

Киан провел пальцем по императорской пластине.

– То есть в бумаге сказано: если у тела больше нет голоса,

государство говорит за него.

Магистр выдержал паузу.

– Если государство не заговорит первым, Лес ответит за всех.

Женщина с ожогом не отвела взгляда от стола.

– Он прав в одном, Киан. Вы можете презирать формулировку, но вчера она закрыла ворота.

– Вчера она закрыла ворота девятью живыми вместо двадцати семи.

– И поселок все еще дышит.

Это было сказано без победы. Поэтому прозвучало хуже.

Киан не ответил сразу.

– Обручи?

– Раньше звенели при контакте. Теперь начинают раньше. Сначала у крикунов, потом у двигательных. Смешанные срываются быстрее.

– А она?

Вопрос впервые прозвучал о Люмен, хотя Киан на нее не посмотрел.

Старший тоже не повернулся.

– У нее не звенит.

– Почему?

Надзиратель помолчал.

– Потому что нечему отзываться.

Киан провел пальцем по краю императорской пластины.

– Все любят объяснять ее одним словом.

– Другого пока не нашлось.

Магистр вмешался:

– Архонт не участвует в управлении постом.

Киан поднял глаза.

– А я говорил, что участвует?

– Вы связываете ее появление со смещением кромки.

– Я связываю события, которые произошли рядом по времени. Причины мы еще не нашли.

– Последовательность не доказывает причинность.

– Согласен. Но иногда хорошо показывает, где после определенного дня начинают особенно аккуратно молчать.

У двери тихо стукнуло дерево.

Писец.

Люмен видела его вчера у ворот, когда он пересчитывал вернувшихся. Милен – так назвал его старший. Сейчас он стоял с табличками у груди, втянув плечи так, словно мог стать уже собственной тени.

Страх у него был другим.

Маги боялись ответственности. Надзиратели – следующего выхода. Дефектные – шума, который мог сорвать их с места раньше приказа. Милен смотрел на собственные дощечки так, будто опасность была записана именно там.

Киан не обернулся.

– Расход ведет он?

Милен замер.

– Он записывает продиктованное, – сказал магистр.

– Тем лучше. Сколько малых выходов было за последний месяц?

– Три.

Женщина с ожогом подняла взгляд.

– Четыре.

Магистр повернулся к ней.

– Один не был выходом.

– Люди прошли за ворота.

– Без контакта с активной зоной.

– Обручи вернули затемненными.

– Затемнение не равно контакту.

Женщина несколько секунд смотрела на него, затем сказала:

– А Сайр?

Милен дернулся.

Киан заметил.

– Кто такой Сайр?

– Помощник писца, – ответила женщина. – Был при той группе.

– Вернулся?

– Нет.

– Тело?

– Нет.

– В расходе?

Молчание затянулось. Киан повернулся к Милену впервые за весь разговор.

– Он записан мертвым?

Писец посмотрел сначала на магистра, потом на старшего.

– Нет.

– Почему?

– Выход не был зарегистрирован.

Киан перестал вертеть пластину в пальцах.

– То есть человек может исчезнуть, но если выход не внесли в книгу, система считает, что ничего не произошло.

Милен сглотнул.

– Мне не дали номера выхода.

– А без номера он кто?

Писец открыл рот и закрыл.

Магистр ответил вместо него:

– Неподтвержденная потеря.

Киан улыбнулся без веселья.

– Значит, даже смерть здесь должна заслужить графу.

Снаружи снова ударили по железу. На этот раз трижды.

Старший надзиратель резко обернулся.

– Нижний сигнал.

– Что означает? – спросил Киан.

– Выносной столб не ответил.

Женщина с ожогом встала.

– Он не отвечал ночью.

Старший повернулся к ней.

– Мне доложили только о сбое.

– Ночью еще горел огонь на верхней площадке.

– А сейчас?

Женщина ничего не сказала.

Киан забрал императорский знак со стола.

– Всем, кто способен спать, спать. Остальным хотя бы не мешать.

Магистр поднял подбородок.

– Вы не распоряжаетесь постом.

Киан застегнул пластину под воротом.

– Нет. Я просто хочу понять, сколько от вашего поста осталось к утру.

Он дошел до двери и остановился.

– Ее не списывать.

Старший нахмурился.

– Люмен и так не списана.

– Хорошо. Утром хочу посмотреть, как она держится после кромки.

– Ей нужен отдых.

– Тогда после отдыха.

Киан мельком посмотрел на нее.

– Меч пусть будет рядом.

Он вышел.

Люмен поняла это не как защиту.

Не списывать значило не отдать огню, не отправить в яму, не вернуть в общую строку расхода. Это было меньше милости и больше отсрочки. Строку не стерли. Ее просто оставили открытой.

После его ухода ночь не стала тише. Она просто потеряла форму.

По двору ходили люди с фонарями. Несколько раз открывалась оружейная. В лазарете долго кричал один из вернувшихся, всегда на одной ноте, без слов. Потом крик оборвался. Люмен не знала, помогли ему уснуть или перестали удерживать жизнь; в бараках оба исхода звучали одинаково.

Башня над северными воротами оставалась без огня.

Обычно свет на ней был виден из окон всю ночь. По нему караванщики на тракте понимали, что дорога впереди еще принадлежит Империи.

Теперь тракту никто ничего не обещал.

Люмен легла, однако сон пришел не сразу. Мысль о Киане возникала несколько раз, и каждый раз она пыталась заметить ее более точной формулировкой. Ее интересовал не он. Ее интересовала его реакция на лицо Оливии.

Формулировка была удобной.

Не вполне верной.

Утро пришло без рога.

Люмен проснулась раньше удара палки по двери. В бараках пробуждение обычно имело порядок: скрипели ремни, начинался кашель, кто-нибудь ругался у печи, потом старший бил палкой в дверь и разрешал всем считать ночь законченной. Сегодня первым был голос.

– Пойдем.

Киан стоял у ее койки.

Он выглядел так, будто вовсе не ложился. Одежда была чище, чем вчера, но усталость сделала движения тише и точнее. За его плечом уже горела лампа в коридоре, хотя до общего подъема оставалось время.

В соседних койках никто не шевельнулся. Люмен насчитала пятерых бодрствующих по дыханию.

Киан чуть повернул голову в темноту.

– Я ее верну.

Он помедлил.

– Если к тому времени будет куда.

В дальнем углу кто-то тихо выругался.

Люмен натянула сапоги, затянула ремень и пристегнула ножны. Меч оставался там, где она положила его ночью.

Киан кивнул на оружие.

– Правильно.

– Вы сами сказали держать его рядом.

– Тем более приятно, что хоть кто-то меня слушает.

– Я слушаю не вас.

– Уже хуже.

На улице пост выглядел так, будто за ночь постарел.

Дождя не было, однако камни блестели от влаги, поднявшейся из земли. У стены горели три жаровни вместо пяти. Четвертую засыпали мокрым песком. Пятая оставила на земле черный круг. На башне над северными воротами не было огня, а на верхней площадке Люмен не увидела часового.

Она остановилась.

– Где человек на башне?

Киан посмотрел наверх.

– Вчера был.

– Сейчас нет.

– Поэтому мы идем не есть.

Тренировочный двор находился между оружейной и внутренней стеной. Там их уже ждали старший надзиратель и Милен с табличками. Писцу не требовалось присутствовать на проверке; его работа начиналась после того, как чужие действия становились числом.

Значит, Киан велел ему прийти.

Старший первым делом взял Люмен за левое запястье.

– Болит?

– Да.

Он согнул кисть внутрь, потом наружу. На третьем движении боль дошла до локтя.

– Лучше, чем вчера.

Киан следил за рукой.

– Быстро восстанавливается?

– Обыкновенно, – сказал старший.

Киан покачал головой.

– Не совсем.

Милен царапнул что-то на табличке.

Люмен посмотрела на звук.

Киан тоже.

– Что пишешь?

Писец замер.

– Восстановление после выхода.

– Словами.

– Левая кисть пригодна. Болевой ответ сохранен. Срывов нет.

– А если написать: ей больно?

Милен побледнел.

Старший ответил за него:

– Тогда запись станет бесполезной.

– Зато точной.

– Нет. Точной она станет, когда по ней можно будет понять, дойдет ли она до ворот.

Киан посмотрел на Люмен, будто хотел возразить, но не нашел для возражения места, которое не развалилось бы от первого же северного рога.

– Стойка, – сказал старший.

Люмен вышла в центр двора и положила ладонь на рукоять меча.

– Обнажи.

Клинок вышел из ножен слишком плавно.

Старший сразу ударил палкой по предплечью.

– Короче.

Люмен вернула клинок и повторила движение. На этот раз меньше дуги, ближе к бедру.

– Еще.

Третий раз устроил его больше.

Киан наблюдал уже не за мечом, а за тем, как она держит плечи, кисть и вес на передней ноге.

– Что вы исправляете?

Старший постучал палкой по земле, подбирая слова.

– Старые движения.

– Какие?

– Как она держит спину. Как берет чашку. Как поворачивает голову, когда кто-то входит. Иногда ноги делают шаг, которому я ее не учил. Руки тоже.

– И вы это выбиваете?

– Если мешает.

– Палкой.

– Палка быстрее объяснений.

Старший говорил без жестокости. Видимо, жестокость начиналась там, где человек получал от процесса удовольствие; здесь же было только ремесло.

– А если старое не мешает?

Надзиратель посмотрел на него.

– Здесь все старое однажды начинает мешать. Тело вспоминает чашку – потом лицо. Лицо – потом голос. Голос – потом приказ, который ему никто не давал. На кромке лишнее становится дверью.

– Или человеком.

– Человек не держит строй лучше единицы.

Киан принял это молча. Не согласился. Не отверг. Люмен заметила именно молчание.

Старший протянул Киану второй клинок – короткий, с затупленной кромкой. Люмен осталась со своим мечом.

Киан проверил баланс оружия, один раз прокрутив рукоять в ладони.

– Начинай.

Люмен ударила.

Первый выпад он отвел почти лениво. Второй встретил ближе к корпусу. На третьем сам вошел в ее дистанцию, заставив перестроить шаг.

Киан двигался не быстрее дефектных. Он начинал раньше. У дефектного любое действие рождалось из импульса: боли, крика, ярости, навязчивого повтора. Киан будто замечал этот импульс до того, как он успевал стать движением.

Люмен сменила ритм. Короткий удар, пауза, еще один.

– Вот, – сказал Киан.

Она не спросила, что именно он увидел.

Он пошел вперед, и вместе с ним изменилось давление воздуха.

Шум приблизился.

Не звук и не заклинание. Скорее то, что обычно удерживалось внутри него, оказалось на один слой ближе к миру. Милен у стены побледнел. Безголосый дефектный, которого вели через двор, вдруг согнулся и зажал уши.

Люмен не сдвинулась.

Воздействие прошло по зубам, вискам, старой боли в плече, по мышцам, готовым ответить на угрозу. Страха не воз-

никло. Ярости тоже.

Пустота не сопротивлялась.

Поэтому удерживать в ней было нечего.

Киан остановился.

– Где ты его чувствуешь?

– Вокруг.

– Внутри?

– Нет.

– Хочется ударить?

– Я и до этого собиралась.

Он рассмеялся.

– Ладно. Справедливо.

Следующий удар был уже настоящим. Люмен приняла его, сместилась, ответила в корпус. Киан ушел и перехватил ее левое запястье.

Шум стал ближе.

С этого расстояния можно было ударить в горло, глаз или колено; мышцы уже знали варианты и обычно выбирали самый короткий.

Но следующее движение не относилось к бою.

Правая рука ушла от меча и поднялась к лицу Киана.

Пальцы коснулись его щеки.

Ни защиты, ни атаки, ни преимущества. Просто движение, которое началось раньше решения.

Киан замер.

Люмен тоже.

Под ее пальцами напряглась мышца у челюсти. Рука знала расстояние до этого лица и, возможно, угол, под которым к нему тянулись прежде. Этого уже было достаточно.

Киан понял больше.

На несколько мгновений выражение его лица изменилось так сильно, что Люмен не смогла сразу подобрать знакомую категорию. Не страх. Не злость. Скорее момент, когда человек получает подтверждение того, что предпочел бы считать ошибкой.

Палка старшего ударила ее по костяшкам.

Боль заставила руку вернуться вниз.

– Не туда, – сказал надзиратель.

Киан медленно повернул к нему голову.

– Почему?

– В бою рука должна убить, ослепить, сломать или освободить. Она ничего из этого не сделала.

– Значит?

– Старое.

Киан снова посмотрел на Люмен.

– Такое уже бывало?

– Раньше чаще.

– Насколько раньше?

– Год назад.

Старший пожал плечами.

– Потому и выбивали.

Киан некоторое время молчал.

– Еще раз за это ударишь – предупреди.

Надзиратель поднял бровь.

– Зачем?

– Хочу увидеть, что именно ты называешь старым, до того как оно исчезнет.

– Старое в строю убивает.

– Возможно.

– Не возможно. Убивает.

– А новое?

Старший понял не сразу.

Киан кивнул на Люмен.

– То, что вы из нее делаете. Оно кого-нибудь спасает или просто удобнее ложится в отчет?

Надзиратель посмотрел на северную стену.

– Если сегодня она пройдет туда и вернется, спросишь у тех, кто останется за воротами.

Киан не спорил. Он только чуть отступил и снова поднял клинок.

Для Люмен важнее оказалось другое: после прикосновения отступил именно он.

Не от удара.

От жеста.

Она не знала, зачем сохранила эту деталь.

– Продолжим, – сказал Киан.

Их клинки встретились снова.

Через несколько ударов Люмен заметила пустую ветку за

северной стеной.

Вчера на мертвых соснах сидели вороны. После выбросов их всегда было много: птицы находили то, что люди не успевали вынести или предпочитали не замечать. Сейчас на ближайшей сосне сидели только три.

Она отвела взгляд на мгновение.

Киан остановился.

– Что?

– Ворон почти нет.

Милен поднял голову от табличек.

– Вчера были.

– Сколько? – спросил Киан.

Писец пожал плечами.

– Много. Как всегда после выхода.

– А сейчас?

– Три.

С башни над северными воротами ударил колокол.

Один раз. Потом второй. Затем третий.

Старший надзиратель выругался.

– Нижний сигнал.

Женщина с ожогом показала в проходе между бараками. На ней не было мантии, только темная рубаха и кожаная куртка, застегнутая на одну пряжку.

– Выносной столб исчез.

Киан опустил клинок.

– Что значит исчез?

– Его нет.

– Упал?

– Нет.

– Сгорел?

– Нет.

Женщина посмотрела в сторону ворот.

– На его месте дерева.

Милен тихо выдохнул.

Люмен видела этот столб вчера: деревянную конструкцию с двумя площадками и тремя железными кольцами, поставленную на свободной земле между рвом и первой мертвой сосной. Если сейчас там стояли деревья, Лес прошел за ночь не три и не семь шагов.

Он занял участок целиком.

Киан провел ладонью по лицу.

– Сколько теперь до ворот?

– Не знаем, – сказал старший.

Ответ повис между ними. Магистр впервые не поправил формулировку старшего. Женщина с ожогом посмотрела на ворота, потом на собственные руки. Милен опустил таблички.

Люмен поняла, что напугало их сильнее самого исчезновения столба. Пост держался на цифрах: сколько людей осталось, сколько обручей исправно, сколько шагов до кромки, сколько часов выдержит защитный контур, сколько еды лежит в подвале. Пока расстояние можно было назвать, у сте-

ны оставалась мера. Теперь ее не было.

Киан бросил затупленный клинок старшему.

– Милен. Таблички бери.

Писец побледнел.

– Зачем?

– Покажешь четвертый выход.

Магистр с бронзовой перевязью появился у двери барака.

– Писец не идет к кромке.

– Сегодня идет.

– Это учетный персонал.

– Именно. Хочу посмотреть, совпадет ли ваш учет с тем, что осталось за воротами.

– Вам понадобится связка.

– Вчера из связки вернулись девять.

– Тогда малая группа.

– Вот именно.

Киан указал на старшего.

– Ты.

Потом на женщину с ожогом.

– Вы.

Она кивнула.

Наконец Киан посмотрел на Люмен. На этот раз в его взгляде было ожидание, и она заметила его именно потому, что раньше он ничего от нее не спрашивал.

– Идем, – сказала она.

– Я еще не спросил.

– Уже спросили.

Милен тихо выдохнул, то ли от страха, то ли от неожиданности.

Старший посмотрел на ее левую руку.

– Работает?

– Да.

Магистр нахмурился.

– После вчерашнего она остается учебной единицей.

Киан повернулся к нему.

– Вчера оставалась.

– Вы не можете менять ее статус.

– Я его не меняю.

Он посмотрел на пустую башенную площадку над воротами, а потом туда, где за стеной должен был стоять сигнальный столб.

– Лес меняет статус всего этого места быстрее нас.

Во дворе ударили в общий колокол.

Люди начали выходить из барачков, застегивая ремни на ходу. Кто-то потащил ящики к южным воротам. Из конюшни выводили лошадей, хотя приказа об эвакуации еще никто не произнес. Маги спорили возле стены о том, где ставить новый защитный контур, если старая линия уже не совпадает с местностью. Повар выскочил из кухни с закопченной ложкой и долго ругался на солдата, который задел котел, будто испорченная каша оставалась проблемой прежнего масштаба.

Люмен вложила меч в ножны.

Киан прошел мимо нее, затем задержался на полшага. Он посмотрел на ее правую руку.

– На кромке, – сказал он тише, – если она снова решит действовать сама, предупреди.

– Зачем?

Киан помолчал.

– Хочу успеть понять, кого именно она помнит.

У северных ворот загремел засов. Один. Потом второй. Люди у стены расступились. Милен прижал таблички к груди и встал за старшим надзирателем. Киан пошел первым.

Когда створки начали расходиться, из щели между ними потянуло влажной землей и тем сладковатым запахом, которого вчера здесь еще не было. За воротами, там, где должен был стоять сигнальный столб, между деревьев что-то качнулось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.